

Московская лингвистическая школа и синтаксис

В истории развития русской и мировой науки о языке свое весьма значительное место по праву занимает Московская Лингвистическая Школа (МЛШ). Ее основы были заложены академиком Ф.Ф.Фортунатовым. Главное, что отличает эту школу, — подход к языку как к явлению с собственной внутренней системой при строгом различении синхронии и диахронии¹. В центр грамматических исследований МЛШ последовательно ставила грамматическую форму. Грамматическая форма понималась как единство грамматического средства и того значения, которое этим средством выражается. Нельзя не видеть, что МЛШ в своих основных теоретических посылах во многом коррелирует с известной произведшей революцию в лингвистике общелингвистической теорией Ф. де Соссюра, в основе которой лежат представления о языке как синхронной знаковой системе. Знак Ф. де Соссюр определяет в целом так же, как Ф.Ф.Фортунатов грамматическую форму. Для Ф. де Соссюра знак — это неразрывное единство означаемого и означающего [Соссюр 1977, 98–103].

Случилось так, что идеи МЛШ наибольшее развитие получили не в грамматике, а в фонологии. Была создана Московская Фонологическая Школа (МФШ) со своей теорией и методами исследования. Главное для МФШ в лице таких ее представителей, как А.А.Реформатский, Р.И.Аванесов, М.В.Панов — это позиционный анализ, позволяющий дать стройную и непротиворечивую систему фонем и их реализацию в речи². Стоит вопрос: может ли МЛШ дать такие же впечатляющие результаты как в фонологии, в других областях лингвистики, прежде всего, в грамматике? Морфология уже давно рассматривается как учение о грамматических формах слова, организованных по разным направлениям в систему [Аванесов, Сидоров 1945]. Несколько иначе складывается ситуация с синтаксисом. В этой области нет пока ясности с основным грамматическим понятием МЛШ — понятием синтаксической формы.

Основы московского синтаксиса были заложены самим Ф.Ф.Фортунатовым. Синтаксис понимается им как учение о слово-

сочетаниях. Различаются незаконченные и законченные словосочетания. "Незаконченным словосочетанием является такое словосочетание, самостоятельная часть которого образует собою также и часть другого словосочетания... В законченном словосочетании одно слово сочетается с другим, как одна часть суждения с другой частью суждения, т.е. законченное словосочетание представляет собою полное предложение..." [Фортунатов 1956, 182-183]. Справедливо полагая, что язык служит выражению мысли — суждения, Ф.Ф.Фортунатов тем не менее строит синтаксис на собственно языковой основе. Так, последовательно различаются грамматические и неграмматические словосочетания и предложения. Грамматическими названы словосочетания, в которых "грамматическая форма слова в одной части словосочетания обозначает отношение данного предмета мысли к другому предмету, к другой части словосочетания" (хорошая погода). Словосочетания, в которых, по мнению Ф.Фортунатова, не обозначено формами языка отношение одного предмета к другому, названы неграмматическими (сегодня мороз). Грамматическими предложениями являются такие словосочетания, которые включают грамматическое сказуемое и подлежащее. Грамматическим подлежащим является слово, к которому относится в словосочетании грамматическое сказуемое. Грамматическим сказуемым в русском и родственных с ним языках признается либо глагол в формах спряжения (Птица летит), либо такое соединение слов, которое образуется при употреблении глагола как вспомогательного слова при другом слове (Погода была великолепной).

"Формы, делающие глагол грамматическим сказуемым, — это формы времени и наклонения, которые вместе могут быть названы формами сказуемости в глаголе" [Фортунатов 1957, 452-455].

Синтаксические воззрения Ф.Ф.Фортунатова воспринимались далеко не однозначно. Его упрекали в том, что он "растворил" учение о предложении в учении о словосочетании. Несоостоятельность такого упрека убедительно показывает Д.Н.Шмелев. Словосочетание у Ф.Ф.Фортунатова "представлено, — пишет он, — как своего рода структурная схема любого сочетания двух полнозначных слов, независимо от того, образуют ли они предикативное сочетание или непредикативное. Понятно, что никакого отрицательного по своим результатам "приравнивания"

словосочетания и предложения в том смысле, в каком различаются эти понятия в современных описаниях синтаксиса, не происходит: изучается возможность сочетания различных словоформ друг с другом, и дается определение этих сочетаний с точки зрения морфологических особенностей и возможностей синтаксического функционирования ("законченные" и "незаконченные" словосочетания)" [Шмелев 1976, 46]. Тот факт, что в центр грамматики Ф.Ф.Фортунатов ставит форму, послужил поводом называть его синтаксис формальным. В не столь давние времена формализм в языковедении считался чуть ли не враждебной идеологией. Теперь это может вызвать разве что недоумение. Попытки толковать синтаксическое учение Ф.Ф.Фортунатова как оторванное от содержания также не имеет ничего общего с истинным положением дел, поскольку, повторим еще раз, форма для Ф.Ф.Фортунатова — это единство грамматического средства и содержания (значения), которое этим средством выражается.

Грамматические идеи Ф.Ф.Фортунатова оказали большое влияние на последующее развитие синтаксической теории. Формальный подход к синтаксису в соединении с психологизмом дал себя знать в синтаксисе А.М.Пешковского [Пешковский 1956], А.А.Шахматова [Шахматов 1941], несомненно, под влиянием Ф.Ф.Фортунатова дает описание словосочетаний М.Н.Петерсон [Петерсон 1923]. Однако верно и другое: научное освоение синтаксических идей МЛШ с опорой на те глубокие методологические идеи, которые заложены в МЛШ, еще только начинается. Цель дальнейшего изложения — попытаться — пока в достаточно эскизном виде — представить синтаксис как учение об иерархически упорядоченной системе синтаксических форм и определить место в этом учении сравнительно новых московских синтаксических идей.

Исходной точкой отсчета в синтаксической системе будем считать, как и Ф.Ф.Фортунатов, словосочетание. Словосочетанием называем такое соединение слов, которое имеет особые синтаксические формы. Синтаксические формы словосочетания — это те синтаксические средства, которые указывают на связь двух и более слов, и те значения (смысловые отношения между соединенными словами), которые этими средствами выражаются. Словосочетания бывают подчинительными и сочинительными.

Подчинение и сочинение – различные явления. Подчинение в словосочетании осуществляется с помощью таких средств, которые традиционно обобщаются понятиями согласования, управления и примыкания. Синтаксическое значение подчинения – синтаксическое неравноправие соединяемых слов: одно – главное, другое – зависимое. Словосочетание с синтаксической формой подчинения может быть только бинарным. В подчинительных сочетаниях с помощью тех же средств связи (согласование, управление, примыкание) выражаются еще такие значения, которые можно характеризовать в традиционных терминах членов предложения: определительные, обстоятельственные и пр. Сочинительная связь выражается либо сочинительными союзами (Петя и Маша пошли в парк), либо особой перечислительной интонацией (В парк пошли Петя, Маша, Ваня, Коля). Синтаксическое значение сочинения – синтаксическое равноправие соединяемых слов: при сочинении нельзя назвать главного и зависимого слова. Сочиняются слова либо с одинаковой функцией, если функцию характеризовать в терминах традиционных членов предложения, либо слова с такой общностью, как вопросительность (Кто и когда поедет в командировку?), отрицательность (Никому и никогда не завидуй) и под. [Санников 1989, 13–26]. В сочинительных сочетаниях с помощью тех же средств выражаются значения, которые характеризуются в терминах противопоставительные, разделительные и под. Словосочетания с синтаксическими формами сочинения могут образовывать открытые ряды, то есть состоять более, чем из двух слов. Таким образом, утверждаем, что словосочетания образуются двумя синтаксическими формами. У этих форм одно средство, но тем не менее это именно две формы, поскольку у них разные значения. Сразу же встает вопрос: нельзя ли считать, что существует просто одно значение, состоящее из двух компонентов, например, таких, как неравноправные отношения + определение. Такое решение было бы возможно, если бы получались непересекающиеся классы, то есть не было бы ни одного случая, когда вторая часть значения (определяющее, разделительное и под.) не входила бы одновременно в комплекс и с равноправными, и с неравноправными отношениями. Для словосочетания такое решение, по-видимому, корректно. Но оно некорректно для сложного предло-

жения. М.Н.Петерсон и А.М.Пешковский показали, что в сложном предложении одно и то же смысловое отношение между частями сложного предложения может выражаться как сочинительными, так и подчинительными союзами, ср. следственные отношения в предложениях Полул северный ветер, и сразу похолодало и Полул северный ветер, так что сразу похолодало. Поскольку синтаксическая природа сочинения/подчинения в словосочетании и сложном предложении одинакова (см. об этом в [Ширяев 1980]), то обсуждаемое решение о комплексном синтаксическом значении одной формы связи в словосочетании кажется неприемлемым.

Всякую упорядоченную на основе синтаксических форм словосочетаний цепочку слов назовем синтаксической конструкцией. При подходе к словосочетанию как к особой синтаксической форме представляются излишними понятия сложного и комбинированного словосочетания (об этих понятиях см. в [Русская грамматика 1980, 79–82]), поскольку такие словосочетания образуются не на основе своих синтаксических форм, а являются простым объединением собственно словосочетаний, то есть являются, по определению, синтаксической конструкцией.

Синтаксическую конструкцию, включающую в себя синтаксическую форму предикативности, назовем предикативной конструкцией. Синтаксическим значением формы предикативности является время и наклонение. Типичным средством выражения предикативности является глагол или связка быть в личных формах (включая и нулевую форму): Он осмелел, Он был смелый, Он смелый. В целом синтаксическая форма предикативности соответствует тому, что Ф.Ф.Фортунатов называл грамматическим сказуемым. Следует отметить, что в число средств выражения предикативности здесь, вопреки достаточно распространенному мнению [Грамматика русского языка 1960, 76–83], не включается интонационный показатель оформления синтаксической структуры как некоторого коммуникативного целого. Как будет показано в дальнейшем, такой интонационный показатель является средством выражения в иной синтаксической форме. Также должно быть ясно, что значением синтаксической формы предикативности не являются смысловые отношения между традиционно понимаемыми подлежащим и сказуемым. Выражение таких отношений принадлежит синтаксическим формам словосочетания. Эти отношения могут

быть названы предикатными, но лучше, чтобы отрешиться от ненужных ассоциаций с термином предикативность, называть их характеризующими, термином из логико-синтаксической концепции Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, Ширяев 1983, 3-15]. Таким образом, выражение Птица летит содержит следующие синтаксические формы: форму подчинения, форму с синтаксическим значением характеристики (обе формы выражены средствами согласования) и форму предикативности, выраженную личной формой глагола (летит).

Как особую синтаксическую форму следует, вероятно, рассматривать то, что в описаниях последних лет получило название структурной схемы предложения. Структурная схема предложения в нашем понимании включает компонент, который выражает предикативность, и тот компонент, от которого он зависит. В определении состава структурной схемы МЛШ имеет одно принципиальное отличие от других синтаксических направлений. Это отличие связано с интерпретацией так называемых односоставных структурных схем. Представитель МЛШ М.В. Панов, характеризуя основные черты синтаксического строя русского языка, выделяет структуру "существительное в именительном падеже + спрягаемый глагол" и отмечает, что эта структура "используется и в так называемых двусоставных предложениях, и в предложениях с неопределенно-личными, обобщенно-личными, безличными формами глаголов. Например, неопределенно-личное значение глагола может реализоваться только при "отсутствии" подлежащего. Значимое отсутствие следует рассматривать как особый показатель, поэтому в предложениях с неопределенно-личной, обобщенно-личной, безличной формой глагола необходимо признать наличие подлежащего, выраженного нулем" [Панов 1966, 106-107]. Признание в структурной схеме (предикативном сочетании, по Панову) нулевого подлежащего снимает противопоставление двусоставных/односоставных предложений или, во всяком случае, переводит его в иную плоскость: предложения с вербализованным подлежащим/с нулевым подлежащим³. Почему же структурную схему можно и нужно рассматривать как синтаксическую форму? Именно потому, что за различием структурных схем стоит не только различие структур, но и различие определенных значений. Особенно ясно это можно видеть на примере

схем с нулевым подлежащим и безличным глаголом и соответствующих схем с вербализованным подлежащим. В предложении Мне не спится выражен смысл 'не спится не по своей воле', в предложении Я не сплю смысл 'по своей воле или не по своей воле' не выражен, возможно любое осмысление. Это различие очевидным образом связано с различием структурных схем, и поэтому данное смысловое различие — это различие в синтаксических значениях. Различие структурных схем не ограничивается только различием схем с нулевым и вербализованным подлежащим.

Можно, например, предполагать, что существует различие некоторых глагольных и именных схем, ср.: Он певец и Он поет. Оба предложения обозначают некоторое постоянное свойство человека. В именной схеме это постоянное свойство представлено скорее как профессия, а в глагольной скорее как увлечение.

Еще одной синтаксической формой — являются формы связи предикативных конструкций. К числу синтаксических средств этих форм относятся сочинительные союзы и подчинительные союзы и союзные слова. Подобно синтаксическим формам словосочетания при соединении предикативных конструкций с помощью указанных средств связи выражаются синтаксическое значение равноправия/подчиненности предикативных конструкций и синтаксические значения, обычно характеризующиеся в терминах изъяснительные определительные, разделительные и т.п.

Последней в приведенной иерархической системе синтаксических форм является коммуникативно-модальная синтаксическая форма. Основное средство коммуникативно-модальной формы — интонация, сообщающая одной или нескольким предикативным конструкциям (соединенным на основе синтаксических форм связи предикативных конструкций) модальное значение повествования, вопроса или побуждения. Коммуникативно-модальная форма превращает предикативные конструкции, одну или несколько, в высказывание.

Нетрудно видеть, что в представленной системе синтаксических структур нет предложения. И это не случайно. Термином "предложение" при подходе к синтаксису как системе синтаксических форм целесообразно называть синтаксическую категорию, включающую в себя названные синтаксические формы. В этом случае старый дискуссионный вопрос о том, является ли сложное

предложение одним предложением или объединением нескольких, решается достаточно просто. В предложении может быть только одна коммуникативно-модальная форма: предложений из нескольких высказываний не может быть по определению, поскольку высказывание завершает иерархическую цепочку синтаксических структур⁴. Исходя из сказанного, можно предложить следующие определения простого и сложного предложения. Простое предложение — это одна предикативная конструкция, представленная в коммуникативно-модальной форме высказывания. Сложное предложение — это две и более соединенные на основе особых синтаксических форм предикативных конструкций, представленных вместе в коммуникативно-модальных формах высказывания.

Приведенная система синтаксических форм не исчерпывает тех форм, которые могут функционировать в предложении. Должны быть названы, по крайней мере, еще две синтаксические формы: формы актуального членения предложения и формы обособления членов предложения. Эти формы, которые здесь рассматриваться не будут⁵, являются как бы внешними по отношению к предложению: они модифицируют готовое предложение.

Если попытаться определить степень разработанности синтаксиса в духе МЛШ, учитывая все сказанное о синтаксических формах, со степенью разработанности МФШ, то следует признать, что эта степень весьма не высока. Если в МФШ на основе позиционного анализа представлена система фонем во всем многообразии ее реальных репрезентаций в сильных и слабых позициях, то задача показать в духе МЛШ всю систему способов представления синтаксических форм как со стороны выражения, так и со стороны содержания, еще очень далека от своего решения. Между тем в немногочисленных синтаксических работах современных московских фонологов есть, как кажется, перспективные решения. Обращает на себя прежде всего внимание выдвинутый Р.И. Аванесовым [Аванесов 1936] и развитый М.В. Пановым [Панов, 1966] принцип отождествления второстепенных членов предложения. Известно, что концепция второстепенных членов предложения, берущая свое начало в так называемых логических грамматиках, несмотря на все свое несовершенство, остается актуальной и в наше время. Актуальная для нас суть этого понятия заключается в следующем: в понятии члена предложения, если

подходить к нему последовательно с позиции синтаксической формы, происходит обобщение синтаксических форм словосочетаний с одинаковым значением, но различными средствами выражения⁶. Р.И.Аванесов обратил внимание на то, что единицы с одинаковым синтаксическим значением, но по-разному оформленные, могут быть соединены на основе сочинительной связи, как раз и обнаруживающей по самой своей синтаксической сути некоторую одинаковость соединяемых компонентов. Среди членов предложения выделяются морфологизованные и неморфологизованные. Каждая часть речи может выполнять в предложении те функции, которые соответствуют ее морфологической природе (прилагательное, например, обозначает признак предмета и является в предложении основным – морфологизованным – способом выражения определительных отношений), и те функции, которые не predetermined (или, во всяком случае, не predetermined явным образом) морфологической природой части речи – в этом случае говорят о неморфологизованном члене предложения. Стоит отметить, что анализ соответствия морфологической природы слова и его синтаксических функций составляет одну из важнейших сторон синтаксической концепции А.А.Потебни, весьма близкого по своим синтаксическим убеждениям к МЛШ [Потебня 1958, 81–128]. Как правило, определение синтаксической роли морфологизованных членов предложения не вызывает затруднений, эти затруднения возникают при определении роли неморфологизованных членов. И поэтому Р.И.Аванесов рекомендует при определении роли неморфологизованного члена предложения уяснить, с каким морфологизованным членом предложения его можно соединить сочинительной связью. Так, в предложении Он пишет чисто и без ошибок член без ошибок является обстоятельством потому, что сочиняется с морфологизованным обстоятельством чисто. М.В.Панов последовательно использует принцип Р.И.Аванесова для дефиниций второстепенных членов предложения. Так, по мнению М.В.Панова, "прилагательные, причастия, наречия и деепричастия, которые могут соединяться сочинительной связью с прилагательными или причастиями, объединяются при существительном в класс определений" [Панов 1966, 105]. При дефинициях второстепенных членов предложения в расчет принимает-

ся не только возможность, но и невозможность определенных компонентов сочиняться между собой. Ср.: "Существительные в косвенных падежах, поясняющие другое существительное, если они не могут соединяться сочинительными союзами с прилагательными, образуют класс дополнений [Панов 1966, 105]. Применение принципа Р.И.Аванесова, который, как кажется, справедливо было бы именовать принципом Аванесова-Панова, заставляет М.В.Панова принимать нетривиальные решения. Так, помимо трех традиционных второстепенных членов, постулируется необходимость выделения еще одного члена предложения - инфинитивов, поскольку инфинитивы при существительном не соединяются сочинительно с морфологически отличными от него единицами и "в некоторых случаях инфинитив, относящийся к глаголу, не может соединяться сочинительной связью с наречием [Панов 1966, 106]."

Принцип Аванесова-Панова можно, как кажется, интерпретировать в аспекте позиционного анализа. Можно думать, что морфологизованный член предложения занимает сильную позицию, а неморфологизованный член вне сочинительного соединения с морфологизованным слабую. И только попадая с помощью сочинительной связи в позицию с морфологизованным членом, он оказывается в сильной позиции. Конечно, прямой и полной аналогии с фонетически сильными и слабыми позициями здесь нет, но и некоторое сходство с ними очевидно: именно в сильной позиции можно отождествить звук с определенной фонемой - именно в сильной позиции можно точно определить принадлежность компонента к определенному члену предложения.

Итак, МЛШ открывает определенные перспективы создания особого - формального - синтаксиса.

Примечания

1. Ср. такое недвусмысленное замечание Ф.Ф.Фортунатова: "...Мы можем называть корнями слов те основы, какие являются непроеизводными в данном языке в данное время" [Фортунатов 1957, 445].

2. Об основных идеях МФШ и этапах ее развития см. в [Реформатский 1970].

3. Независимо от М.В.Панова к идее нулевого подлежащего пришел И.А.Мельчук [Мельчук 1974^а]. Ср. отрицание дихотомии двусоставных/односоставных предложений на принципиально иной основе: Г.А.Золотова ищет подлежащее (субъект) в наличном составе традиционных односоставных предложений [Золотова 1982, 133-155⁷].

4. Следует заметить, что идея поуровневой иерархической организации предложения далеко не нова. На основе разных исходных теоретических позиций она обсуждается, например, в [Данеш, Гаузенблас 1969], [Мельчук 1974^б] и др. Суть нашего подхода, как уже сказано, последовательная реализация представлений о синтаксисе как учении о синтаксической форме.

5. Общее элементарное определение этих форм см. в [Русский язык 1989].

6. Заметим, что хотя "Русская грамматика" отказывается от термина второстепенный член предложения, необходимость тех обобщений, которые заключены в этом понятии, остаются актуальны и для нее [Русская грамматика 1980, 123-129].

Литература

- Аванесов 1936 - Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. 1936, № 4.
- Аванесов, Сидоров 1945 - Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
- Арутюнова, Ширяев 1983 - Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1983.
- Данеш, Гаузенблас 1969 - Данеш Ф.Р., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их воздействие. М., 1969.
- Грамматика русского языка 1960 - Грамматика русского языка М., 1960.-Т.П, ч.1.
- Мельчук 1974а - Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.
- Мельчук 1974б - Мельчук И.А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л., 1974.

- Панов 1966 - Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966.-Т.1. Индоевропейские языки.
- Петерсон 1923 - Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М., Пг., 1923.
- Пешковский 1956 - Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7 изд. М., 1956.
- Потебня 1958 - Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.-Т.1-П.
- Реформатский 1970 - Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Русская грамматика 1980 - Русская грамматика М., 1980.-Т.П.
- Русский язык 1989 - Русский язык М., 1989.-Ч.П.
- Санников 1989 - Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Грамматика. Синтаксис. М., 1989.
- Соссюр 1977 - Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с франц. // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Фортуноватов 1957 - Фортуноватов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортуноватов Ф.Ф. Избранные труды. М., 1957.-Т.2.
- Фортуноватов 1956 - Фортуноватов Ф.Ф. Сравнительное языкознание// Фортуноватов Ф.Ф. Избранные труды. М., 1956.-Т.1.
- Шахматов 1941 - Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Ширяев 1980 - Ширяев Е.Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Филологические науки, 1980, №2.
- Шмелев 1976 - Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.